

узроўні будаваць і абгрунтоўваць адукацыйную парадыгму. У якасці асноўных фрэймаў мадэлі выступаюць культурна-адукацыйная палітыка дзяржавы і нацыянальна-культурная спецыфіка дадзенага рэгіёна як кантэкстна-складаючыя ўмовы развіцця нацыянальнай сістэмы адукацыі. Мадэль адлюстроўвае ўзаемадзеянне зместа двух асноўных фрэймаў пад уздзеяннем знешняга і ўнутранага фактараў. Гэта дае магчымасць вызначаць асноўныя шляхі ўзаемадзеяння розных фактараў у канкрэтных нацыянальна-культурных рэаліях, прагназаваць развіццё адукацыі, скіраванай не на процістаянне, а на інтэграцыю нацыянальных суб'ектаў. На аснове намі распрацаванай і прадстаўленай у друку фрэймавай мадэлі важна падрыхтаваць адпаведныя метадыкі яе ўвядзення ў культурна-адукацыйную практыку Беларусі.

1. Снапкоўская, С. В. Культуралагічная думка Беларусі : вучэб. дапам. / С. В. Снапкоўская, К. У. Антановіч. – Мінск : РІВШ, 2017. – 216 с.
2. Снапковская, С. В. Развитие образования и педагогической мысли Беларуси: вторая половина XIX – начало XX вв. / С. В. Снапковская. – М.: ИТИП РАО, 2011. – 308 с.

ГЕРБ ВЕЛИКОЙ БРИТАНИИ: РЕГИОНАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ И ЭТНО-РЕЛИГИОЗНЫЙ КОНТЕКСТ

Ю.В. Романенко (Киев, Украина)

На государственном флаге Великой Британии изображены три креста, представляющие собой объекты для идентификации трех этносов содружества - англо-норманнов, шотландцев и ирландцев. При этом для Англии символом идентичности служит крест Святого Георгия, Ирландии - Святого Патрика, Шотландии - Святого Андрея (Первозванного). При этом только крест Георгия Победоносца (англо-норманский) повернут в вертикальной проекции. Шотландский и ирландский кресты представляют собой смещенно-перевернутые изображения, напоминающие букву X, вершины которой расположены симметрично углам квадрата.

Эти кресты выглядят одновременно как перевернутые, заземленные и плоскостные (расположенные, в отличие от англо-норманского креста, на плоскости). Топография заземленных крестов выбрана не случайно, поскольку отражает как религиозную гегемонию Англии, так и оценку религиозной идентичности шотландцев и ирландцев, которая визуальнo позиционируется как смещенная (инвертированная).

Собранные в британском содружестве этнические группы не просто имели различные менталитеты, но и по-разному понимали для себя смысл христианской этики: англиканцам была чужда не только бедность, но и сопряженная с этой бедностью гордость. Эту шотландскую гордость англичане, разумеется, признавали бы, если бы шотландцы были более состоятельными, что давало бы им право и основание быть гордыми.

Изучение бэкграундеров политических лидеров в истории Великой Британии показывает откровенное расхождение с риторикой еврооптимизма, либертизма и демократических ценностей. Британские элиты действовали прагматично, жестоко и без тех сантиментов, которые, обычно, служат гипнотической прелюдией к применению насилия либо обмана.

Английский историк Дж. М. Тревельян в своей "Истории Англии" пишет о взаимоотношениях англичан и шотландцев следующее: "...Шотландец был или якобитом, или пресвитерианином, и в обоих этих случаях вызывал отвращение у четырех из каждых пяти англичан. И англичанин любой религии или вообще неверующий возмущался или забавлялся суровостью светской дисциплины шотландской церкви.

Солдаты Кромвеля в дни, когда он господствовал в Шотландии, насмехаясь над порядками церкви, часто садились на «позорный стул» в приходских церквях; а во времена Анны это орудие морального преобразования было так же чуждо свободному духу английских диссидентских сект, как оно было чуждо скромному авторитету англиканского деревенского священника.

Кэлами, вождем английских нонконформистов, во время своей поездки, предпринятой в 1709 году с целью сближения с шотландскими пресвитерианами, оскорбил церковную ассамблею, назвав некоторые ее действия «возрожденной инквизицией».

И независимо от всех вопросов политики и религии лишенному воображения англичанину казалась смешной национальная и личная гордость шотландца, если она сочеталась с бедностью. Для английского купца, носившего одежду из тонкого сукна, казалось абсурдом, что джентльмен может быть гордым, хотя он и бедно одет. И шотландец, когда он на каждом шагу сталкивался с этим вульгарным презрением, становился только более молчаливым и более непреклонным.

Шотландцы действительно смотрели на англичан с угрюмым отвращением, как на кичившихся своим богатством и спесивых соседей. Народная поэзия, традиция, история, имевшие сильное влияние на одаренную воображением и эмоциональную расу, – все указывало на Англию как на древнего врага. Постоянно возобновляющиеся на протяжении четырех веков войны с южанами составляли сюжет шотландских легенд и баллад. Едва ли в древнем королевстве найдется селение, жители которого не могли бы рассказать, как англичане его сжигали..."[1, с.108].

Иудео-меркантилистский акцент пуританизма был несовместим ни с аскетическим миропониманием, ни с толерантностью по отношению к слабым, что способствовало его превращению в "законничество

без закона", т.е. в британскую версию фарисейства, в которой ситуационные человеческие слабости приравнивались к греховности и подлежали морально-правовой стигматизации. Этот гибрид лицемерного ханжества и педантической жестокости и садизма стал чертой британских элит на несколько столетий вперед - от корсар-капиталистов Елизаветы Тюдор до Маргарет Тэтчер и Тони Блэра. Для любых протестов слабых и униженных и их инициатив хоть как-то улучшить свое тягостное рабское положение у них был лишь один ответ: насилие, насилие и еще раз насилие.

Ирландцев-католиков секли плетью, морили голодом, травили охотничьими собаками и обсыпали огненным дождем картечи, отбирая у них все пахотные земли и вынуждая превращаться в бродяг и попадать в рабочие дома либо мигрировать на земли дикого Запада. Шотландцев вынуждали выселяться, используя для этого как практики огораживания, так и финансового закабаления.

Л.И. Гольман в "Истории Ирландии" констатирует, что порабощение Ирландии господствующими классами Англии в XVIII в. осуществлялось в грубой, деспотической форме. Символом английского господства в эти годы служили так называемые «карательные законы» (Penal Laws), введенные в действие под предлогом защиты англиканской церкви от посягательств католиков. Карательный кодекс был в те годы одним из главных орудий политики завершения насильственной экспроприации ирландских народных масс и подчинения их произволу иноземных лендлордов.

Тысячи ирландцев вербовались на военную службу во французскую, австрийскую, испанскую и неаполитанскую армии и Флоты. Нищета и преследования побуждали жителей Ирландии наниматься на работу на плантации в Вест-Индии. Многие выезжали в североамериканские колонии Англии. Среди эмигрантов в Америку было немало и бывших шотландских колонистов-пресвитериан, также страдавших от торгово-промышленных ограничений и подвергавшихся религиозной дискриминации как дисцентеры-инакомыслящие, не принадлежавшие к официальной английской церкви. Отсталость сельского хозяйства и небеспеченность жизни народных масс часто приводили к массовому голоду. Каждый неурожай и болезнь картофеля вызывали это страшное бедствие. Подобное несчастье постигло Ирландию в 1727–1733, 1740–1741, 1757, 1770 гг. Особенно страшным был голод 1740–1741 гг. Автор вышедшего в 1741 г. анонимного памфлета «Стены Ирландии» писал: «Улицы, дороги и поля были усеяны трупами... В каждом доме были больные поносом или злокачественной лихорадкой; целые деревни опустели». В этот «кровавый год», как его называли ирландцы, погибло около 400000 человек [2, с.45-46].

Религиозная политика англиканства, по сути, потерпела полное поражение, поскольку англиканское священство стало средой культивации вычурного девиантного поведения. Впрочем, с учетом кесарепапистской модели управления англиканской церковью, распространенность педофилии, гомосексуализма, фетишизма и вуайеризма касается в этом случае общих проблем как для государственной власти, так и священства. Этому сопутствуют фоновый прессинг низших классов амелиористской моралью верх, растущие эмиграционные настроения в силу неудовлетворенности населения системой социальной защиты, перманентная напряженность в отношениях Лондона и Дублина.

Именно поэтому вертикальный георгиевский крест красного цвета вполне соответствует мирской, материалистической и номинальной сущности пуританизма как квазихристианской конфессии. Собственно, он символизирует позицию скрытого вероотступничества и номинального христианства, покрывающего секуляризованный иудаизм.

1. Тревельян Дж.-М. История Англии от Чосера до королевы Виктории/Дж.- М. Тревельян.- Пер. с англ. А. А. Крушинской и К. Н. Татариновой. – Смоленск: Изд-во "Русич", 2001. – 624 с., ил. – (Популярная историческая библиотека).
2. Гольман Л.И. История Ирландии./Л.И. Гольман.- М.: Мысль, 1980.- 390 с.

ГЕНДЕРНАЯ КУЛЬТУРА УКРАИНЫ: ПСИХОИСТОРИЧЕСКИЙ И ИСТОРИКО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

И.А. Святенко (Запорожье, Украина)

Гендерная культура общества, которая является составной культурной системы общества и его институциональной иерархии, воспроизводится в аутентичном семиозисе как своеобразном языке, который, выполняя функции установления ценностных образцов для различных гендерных групп, институционализует модели символических интеракций, которые воспроизводятся в психике и телесности. Рассмотрение указанных измерений гендерной культуры требует синтеза структуралистского и институционального подходов в понимании предмета исследования, заинтересованность в котором со стороны научной общественности пока оказывается довольно периферийно, что и актуализирует необходимость соответствующего теоретико-социологического анализа.

Для социосистемологического понимания гендерной культуры как единства структурно-языковых и институциональных составляющих является теория институциональных матриц С. Кирдина и ноо-социопсихо-морфосистемология Ю. Романенко.

С Кирдина внедряет в понимании культурной и социальной систем понятие институциональной матрицы. По мнению исследовательницы, «теория институциональных матриц как идеальная» конструкция